

Между ностальгией и ретротопией

DOI: 10.19181/inter.2019.18.7

Андрей Старовойтенко*

На протяжении последнего столетия понятие ностальгии использовалось в различных социальных и гуманитарных дисциплинах, было многократно переосмыслено и обрело множество концептуальных конфигураций, не всегда поддающихся интеграции. В то же время, за последние годы появилось несколько новых подходов, позволяющих иначе взглянуть на проблему отношения индивида/коллектива/социума к своему прошлому. Наиболее ярким из них рискнем назвать теорию ретротопии, изложенную классиком социологии З. Бауманом в своей последней работе. Таким образом, настоящая статья имеет две цели. С одной стороны, проводится обзор различных подходов к теоретическому осмыслению ностальгии. С другой — это попытка выяснить, как понятие ретротопии может помочь внести большую ясность в понимание ностальгии как актуального феномена глобального масштаба.

Ключевые слова: ностальгия, ретротопия, коллективная память, утопия, прошлое, настоящее

Настоящий текст посвящен теоретическому обзору понятий ностальгии и ретротопии. Феномен ностальгии в социальных науках активно изучался на протяжении последних 50 лет. За это время было разработано разнообразие концепций, охватывающих дисциплины от антропологии и социологии до психологии и культурологии. Понятие ретротопии, напротив — явление относительно новое. Термин был введен в одноименной работе Зигмунта Баумана, вышедшей в 2017 г.; на русский язык монография переведена лишь в этом году.

* Старовойтенко Андрей — магистрант департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: adstarovoytenko@edu.hse.ru

Актуальность настоящего обзора представляется в двух аспектах. Один из них исходит из сегодняшней политической и социокультурной реальности. Недавние споры внутри социологического сообщества вокруг опроса Левада-центра об отношении к сталинским репрессиям в очередной раз обнажили принципиальные различия в понимании и отношении к ряду теоретических концепций, играющих ключевую роль в социологическом осмыслении вопросов коллективной памяти россиян. Публикация работы Баумана на русском языке открывает еще одну возможность для поиска новых решений и идей. В этом свете попытка поиска общей почвы для понятий ретропии и ностальгии рассматривается как первый шаг на пути к ответу на вопрос о релевантности существующих подходов к осмыслению общего прошлого.

Другой аспект представляется в сугубо теоретическом измерении. Введенная Бауманом концепция относительно нова и еще не была должным образом интегрирована в пространство социальной теории. В то же время, представляется, что концепция ретропии и теории ностальгии могут обнаружить неожиданные общие точки.

Цель настоящей статьи, таким образом, видится в том, чтобы попытаться найти точки соприкосновения между теориями ностальгии и понятием ретропии. Для этого ставится задача провести анализ теоретических подходов к феноменам ностальгии, а также проанализировать понятие ретропии в изложении З. Баумана.

Теории ностальгии

Пожалуй, главной особенностью понятия ностальгии является то, что его весьма затруднительно концептуализировать. Так, в статье «Время и пространство ностальгии» Р. Абрамов отмечает, что «ностальгия является <...> недостаточно концептуализированным понятием, нередко отождествляемым с разнообразными формами коллективной памяти и выступающим в качестве метафоры особых отношений индивида с прошлым» (Абрамов, 2012: 19). Иными словами, различные исследователи вкладывают в понятие ностальгии совершенно разные смыслы, что порой может приводить к путанице в экспликации этого понятия.

Рассматривая многоаспектность концепции ностальгии, невозможно не обратиться хотя бы кратко к истории возникновения и эволюции понятия. Мы не будем останавливаться на каждой ступени развития понятия ностальгии, упомянув лишь несколько, на наш взгляд, важнейших вех.

Понятие ностальгии имплицитно восходит к гомеровской поэме об Одиссее. Собственно, слово «ностальгия» раскладывается на два древнегреческих слова: *nostos* (возвращение домой) и *algae* (болезненное состояние). Тем не менее, впервые само слово появляется вовсе не в античности, а лишь в Новое время, когда в 1688 г. врач из г. Мюльхаузена Й. Хофер защитил диссертацию по «ностальгии». Тем самым то, что до сих пор считалось

обыкновенным чувством, было имплементировано в медицинскую (т. е. научную) лексику, впервые обозначая свое место в научном дискурсе (Starobinski, 1966: 84). Так ностальгия появилась как идея.

Философия Нового времени вывела понятие ностальгии на новый уровень абстракции. Известно высказывание Новалиса о том, что «философия есть, собственно, ностальгия, тяга повсюду быть дома». Его объясняет два века спустя М. Хайдеггер в «Основных понятиях метафизики»: «Туда, к бытию в целом, тянет нас в нашей ностальгии» (Хайдеггер, 2013: 29). Иными словами, через философию ностальгия приобретает значение переживания [желания] целого, единого, непрерывного и упорядоченного (Резанова, 2003: 17)¹.

Иначе проходило развитие понятия в медицинском/психологическом дискурсах. Долгое время ностальгия рассматривалась в качестве сначала физического, затем психического расстройства, связанного с тоской по дому. Пройдя в XX в. путь от репрессивно-компульсивного расстройства до одного из симптомов депрессии, ностальгия к началу XXI в. перестала рассматриваться как проблематичный психологический феномен. Так, в исследованиях Т. Уайлдшута (Wildschut, 2006) и группы ученых под руководством К. Седикидеса указывается положительное влияние переживания ностальгии на поддержание идентичности, установление и поддержание контактов со значимыми другими. Являясь социальной эмоцией, ностальгия также может служить инструментом спасения от одиночества (Sedikides et al., 2008: 304–306).

Интерес социологии к феномену ностальгии возрос, когда стало очевидно, что ностальгические переживания и практики приобретают массовый характер, что наблюдалось как в паттернах материального потребления (покупки винтажных вещей) (Абрамов, 2012: 9), так и в сдвигах в потреблении культурном (ностальгические фильмы) (Джеймисон, 2000). Теоретик ностальгии Светлана Бойм писала: «XX век начался с утопии, а закончился ностальгией» (Boym, 2008). Схожим образом рассуждали теоретики искусства Л. Хатчон и М. Вальдес, указывая, что в 90-е годы прошлого века наибольшее влияние в дискурсивном пространстве масс-медиа имела именно ностальгия (Hutcheon, Valdes, 1998: 18).

Описанная выше тенденция периода слома тысячелетия была характерна отнюдь не только для стран Запада. Исследования ностальгии появлялись также на территории бывшего Восточного блока, в особенности интенсивно в России и странах Центрально-Восточной Европы (Balasz, 2007; Todorova, 2012; Bartmanski, 2011). В российском исследовательском пространстве исследование ностальгии было, прямо или косвенно, связано с деятельностью Ю. Левады и его концепцией homo sovieticus (Гудков, 2007;

¹ Следует отметить, что к ностальгии философия обращалась неоднократно, в т. ч. в лице таких философов, как И. Кант, С. Кьеркегор, Ф. Ницше и А. Камю. В своем обзоре теорий ностальгии Р. Абрамов упоминает также диссертацию К. Ясперса о связи ностальгии и преступности (Абрамов, 2012: 7).

Каспэ, 2008; Чикишева, 2008). В начале 2000-х годов вышел сборник работ «Ностальгия по советскому» (Резанова, 2003).

Одну из наиболее влиятельных концепций ностальгии разработала на излете XX века Светлана Бойм. В своей монографии «Будущее ностальгии» — одном из самых ярких и исчерпывающих описаний феномена — Бойм предлагает типологию ностальгии, разделяя ее на реставрирующий и рефлексирующий типы.

Ностальгия реставрирующего типа направлена на буквальное восстановление объектов, символов и практик из «светлого прошлого». Неспособная отрефлексировать себя как ностальгию, ностальгия такого рода ассоциирует себя с истиной или традицией. Рефлексирующая ностальгия, напротив, осознает невозможность становления прошлого «таким, какое оно было». В отличие от реставрирующей, ностальгия этого типа использует прошлое в качестве пространства творческой [иронической] игры (Boym, 2008).

Аналитическая рамка, предложенная Бойм, остается весьма востребованной среди исследователей, пережив своего автора (см. Сорокина, 2015; Moss, 2005; Horvath, 2018). В то же время, в ее привлекательности, простоте и понятности есть и обратная сторона. В силу бинарной структуры типологии Бойм неосторожное использование такого инструмента в исследованиях может привести к серьезным искажениям действительного положения вещей. В особенности велика такая вероятность в таких отраслях научного знания, как политология, где концепция Бойм, разработанная, скорее, для осмысления социокультурных реалий, может привести к нежелательной поляризации потенциальных результатов. Мы считаем, что всегда следует помнить «дисциплинарный источник» аналитического инструмента, так же как и его эпистемологический контекст.

В этом отношении определенное преимущество перед концепцией Бойм имеет более социологически-ориентированный подход Ф. Дэвиса, автора классической монографии «Yearning for Yesterday: A Sociology of Nostalgia», который вводит иерархию восходящих порядков ностальгии: простая, рефлексивная, интерпретативная (Davis, 1979). Введение третьего, высшего порядка ностальгии позволяет избежать невольной поляризации ностальгирующих, деления на «хороших» (рефлексирующий тип) и «плохих» (реставрирующий тип). Вместе с тем, в работе Дэвиса нельзя не отметить исключительно сбалансированную структуру, в которой внимание уделяется равно социальному, политическому, культурному и фундаментальному измерениям ностальгии.

В своей статье «Время и пространство ностальгии» исследователь феномена ностальгии Роман Абрамов предлагает собственную аналитическую операционализацию понятия ностальгии, выделяя несколько ключевых характеристик, ей свойственных. Во-первых, ностальгия неразрывно связана с коллективной памятью (в изложении М. Хальбвакса) и коммуникативной коллективной памятью, как ее определяет Я. Ассман. Во-вторых, имеет значение укорененность в личной биографии ностальгирующего, без которого не будет третьего ключевого компонента: эмоций (Абрамов, 2012).

Рассмотренные концепции подводят нас к одному из наиболее остро стоящих вопросов в теоретическом дискурсе о ностальгии: каковы ее темпоральные границы? Большинство исследователей, включая Р. Абрамова и Ф. Дэвиса, склонны полагать, что ностальгия не может распространяться на время, уходящее за временные рамки жизни ностальгирующего (или, по крайней мере, за рамки «жизненного цикла» нарратива социальной группы, в которой он укоренен — например, семья).

В доказательство этого тезиса, Абрамовым рассматривается празднование 200-летия Отечественной войны 1812 года. Хотя к этой дате были приурочены многочисленные торжества и мероприятия, а также было задействовано значительное число энтузиастов, организовавших постановочные бои, ностальгия по этому периоду уже невозможна. Предметом «биографически-детерминированной эмоциональной ностальгии» (Абрамов, 2012: 18) может быть только такой временной период, с которым сохраняется связь в виде личного опыта или еще не прервавшейся устной истории.

Таким образом, аналитическая рамка ностальгии выстраивается через ее неразрывную связь с индивидуальной эмоциональностью и личной историей (будь то история непосредственно ностальгирующего индивида или история его семьи, переданная ему устно). В то время как, «чем более отдалены времена от настоящего, тем более ностальгия становится формой... ретроутопии» (Абрамов, 2012: 17).

В представленном размышлении есть несколько интересных моментов. В качестве примера применения разработанной рамки Р. Абрамов приводит исследование популярного на рубеже 2000–2010 гг. форума «76–82»². Изначальной целью площадки являлось объединение людей, родившихся в СССР в период с 1976 по 1982 гг., однако практически сразу стало очевидно, что позднесоветскими годами интересуются далеко не только люди, родившиеся в упомянутый период, но и представители более поздних поколений, подчас родившиеся уже после распада страны. Форум представляет собой ярчайший пример «ностальгического сообщества», внутри которого происходит активный обмен воспоминаниями, прежде всего, о повседневности позднесоветских детей и молодежи. Как отмечает сам Р. Абрамов, измерения «реального» и «воображаемого» в воспоминаниях ностальгирующих участников сообщества часто перемешиваются друг с другом, и возможность исследователя отделить одно от другого часто серьезно затруднена. Так, о советской повседневности 1970-х часто судят по фильмам и сериалам того времени (Абрамов, 2012: 17). Тем не менее, вне зависимости от источника ностальгических переживаний (будь то воспоминания о реальном опыте или образы культуры прошлого), связь с личной биографией (индивидуальной или семейной) здесь неоспорима.

Не отрицая выводов автора относительно аналитических границ ностальгии, представляется все же, что у подобного подхода существует ряд ограничений. Постулируемые автором тезисы относительно аналитических

² Подробнее см. на сайте <http://e-n-d.ru/project/>.

ограничений ностальгии, на наш взгляд, применимы только в контексте конкретных кейсов (в данном случае — эмпирического исследования форума «76–82»).

Вторым интересным моментом в рассуждении Р. Абрамова представляется сама постановка проблемы ретроутопии. Согласно своему значению, слово «ретроутопия» подразумевает, с одной стороны, наличие некоего воображаемого утопического пространства и, с другой стороны, его локализацию не в будущем — традиционном времени-пространстве утопий — а в прошлом. Таким образом, интенция, направленная в ретроутопическом направлении, всегда будет обращена не только в прошлое, доступное эмоциональности ностальгии, но в прошлое, обретенное как проект будущего.

Понятие ретроутопии Зигмунта Баумана. Между ностальгией и ретроутопией

Намеченные направления заставляют задаться вопросом: справедливо ли полагать отношения между ностальгией и ретро(у)топией как дихотомию? Существует ли в действительности жесткая граница между утопическими проектами, направленными в прошлое, и ностальгической эмоциональностью?

В значительной степени ответ на эти вопросы был предвосхищен в последней работе классика социологии Зигмунта Баумана «Ретроутопия», перевод которой на русский язык был опубликован в начале этого года. Название монографии говорит само за себя: она посвящена именно такому роду утопии — по словам автора, утопии Томаса Мора, восставшей «в картинах утраченного/украденного/покинутого и призрачного прошлого» (Бауман, 2019: 18).

Попробуем присмотреться к этой концепции чуть пристальней. Книгу Баумана нельзя назвать продуктом строго академической социологии: она находится на грани социологии, философии и публицистики. Содержание работы можно разделить на три части: [квази]теоретическое введение, основная часть, состоящая из четырех глав, каждая из которых иллюстрирует отдельное направление развития описываемого Бауманом феномена, и эпилог. Наиболее интересная для задач настоящей статьи часть — введение, не случайно имеющее подзаголовок «Эпоха ностальгии».

Возможно, важнейшая метафора для всей работы дается в самом начале книги. Бауман цитирует отрывок из «Тезисов о философии истории» Вальтера Беньямина, в котором дается интерпретация картины Пауля Клее «Ангел истории».

Образ «Angelus Novus», запечатленный Паулем Клее, — один из важнейших визуальных образов, обобщающих аксиологию модерна. Однако интерпретация Беньямина, вероятно, имеет еще большее значение. В его прочтении, ангел истории предстает наблюдателем современного прогресса, обращающегося в его глазах в катастрофу, порождающую «руины над

руинами». Его лик, к зрителю и одновременно к прошлому, олицетворяет невысказанное обещание [невозможного] спасения, залечивания ран и склеивания прерывностей. Однако из рая дует ветер, несущий его в будущее, к которому тот повернут спиной.

Бауман вкладывает в свою интерпретацию прямо противоположный смысл. Теперь полет ангела направлен уже в «рай прошлого», куда он летит, направляемый ветром из «ада будущего», на который смотрит (Бауман, 2019: 15).

Приведенная интерпретация картины Клее отражает сущность концепции ретротопии. Прошлое и будущее здесь меняются местами: теперь будущее наполнено тревогой и страхами, и это заставляет искать точку опоры, место безопасности и комфорта в прошлом.

Ретротопия понимается как отдельная веха в том, что можно определить как история прогресса. В изложении Баумана, утопия Томаса Мора появилась как отрицание мечты человечества об устройении рая на земле. В свою очередь, утопия, по замыслу Мора, локализованная в некоем топосе, подверглась отрицанию через приватизацию и индивидуализацию: планы на счастье человечества стали планами счастья индивидуального. Наконец, отрицанию подверглись сами планы на счастье в принципе, что и послужило началом ретротопии, видящей единственное укрытие в утраченном прошлом (Бауман, 2019: 18). При этом важно отметить, что, в отличие от реставрирующей ностальгии, ретротопия не подразумевает возвращения к точной копии образа жизни «как раньше». Возможно, ностальгирующие индивиды или отдельные группы и хотели бы именно такого возвращения, однако само понимание прошлого находится в процессе постоянной трансформации. Выражаясь в терминах Э. Хобсбаума, традиции постоянно изобретаются и переизобретаются (Абрамов, 2012: 14).

Читая Баумана, невозможно не вспомнить концепцию ностальгии в изложении Светланы Бойм. Согласно ее определению, ностальгия — «...роман с собственной фантазией», а фантазия (по нашему предположению) есть место свободного выбора. Кредит доверия, который, по Бауману, выдается ретротопией прошлому, есть кредит доверия «месту все еще свободного выбора» (Бауман, 2019: 16).

Именно здесь две теории сходятся в одной точке: «ностальгия — фантазия — свободный выбор — ретротопия». Фантазия как свободный выбор каждого становится модератором между ностальгией и ретротопией. Если продолжить эту мысль, легко сделать вывод, что ни в чем другом эти феномены могут вовсе не сходиться. Лишь обстоятельства «гонки истории», которая «никогда не прекращается» вне зависимости от того, хотя этого ее участники или нет (Бауман, 2019: 17), сделали возможным то, что единственным местом «все еще свободного выбора» стало именно пространство прошлого, реального или воображаемого, а значит, и пространство ностальгии.

Наконец, еще одной точкой схождения двух теорий представляется понятие утопии, неявно присутствующее в концепции реставрирующей ностальгии и более явно — в концепции ретротопии. Напомним, одним

из основных принципов реставрирующей ностальгии является то, что она себя как ностальгию не опознает. Это позволяет ей не только утверждаться в настоящем в виде «истины» или «традиций» (а может быть, «традиционных ценностей»), но и конструировать утопические (на деле — ретротопические) проекты будущего. Бауман, со своей стороны, приводит характерный пример подобного явления, описывая всплеск национализма в ряде стран ЕС, поощряющего тоску по «старым добрым временам» национального суверенитета и закрытых границ (Бауман, 2019: 20), а также строящего образ будущего государства вне границ европейской интеграции.

В конечном счете — в каких отношениях пребывают друг с другом понятия ретротопии и ностальгии? По меньшей мере, можно утверждать, что полностью разграничить их невозможно. Их взаимодействие скорее ситуативно и контекстуально, нежели устойчиво и раз навсегда дано; однако ретротопия как бы «питается» ностальгией, в то время как ностальгические практики вполне возможны и вне «ретротопической фазы истории» (Бауман, 2019: 21).

Проведенное уточнение отношений двух понятий подводит к ключевой проблеме в экспликации понятия ностальгии: вопросу соотношения реального и воображаемого в ностальгических переживаниях. Как уже отмечалось ранее, нередко отделить одно от другого крайне затруднительно, если вообще возможно. На наш взгляд, концепция ретротопии З. Баумана вносит в эту проблематику одно важное уточнение. В контексте эпохи ретротопии, провозглашаемой Бауманом, отделение воображаемого от реального в ностальгических переживаниях, в целом, теряет всякий смысл. Поясняя свое понимание ностальгической «реконструкции» прошлого в настоящем, Бауман пишет не о возвращении в исходный пункт «утраченного прошлого», а об итерациях этого прошлого, где каждая следующая итерация не полностью тождественна предыдущей. В этом свете, в эру ретротопии привязка ностальгического переживания к «реальному» прошлому размывается настолько, что референции к этому «реальному» более не имеют смысла. Цитируя Баумана, «образ [реального прошлого, к которому желают возвратиться] сегодня существенно трансформировался в процессе избирательного запоминания вперемешку с избирательным забыванием» (Бауман, 2019: 22). Представляется, таким образом, что для более продуктивного использования понятия ностальгии в будущих исследованиях следовало бы уделять больше внимания не поиску «реального» референта ностальгии в прошлом, а параметрам прошлого воображенного.

Заключение

Таким образом, анализ понятий показал, что жесткой границы между ретротопией и ностальгией, в действительности, не существует. Концепции имеют точки соприкосновения, и важнейшая из них лежит в сфере

воображаемого: и ностальгия (в особенности «реставрирующая ностальгия» в концепции Бойм), и ретротопия зависят от «фантазии» (в формулировке Бойм) как последнего убежища, где осуществление подлинно свободного выбора еще возможно.

Другой подобной точкой становится утопическое начало, обнаруживающее себя в ретротопии, равно как и в понятии реставрирующей ностальгии. Забывая о своем ностальгическом наполнении, ретротопия возводит проекты будущего, основанные на «хорошо забытых» старых «традициях».

Наконец, феномены ретротопии и ностальгии, безусловно, взаимопроницаемы, но сама по себе ностальгия возможна и вне ретротопической ситуации.

Литература

- Абрамов Р. Н. Время и пространство ностальгии // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 5–23.
- Бауман З. Ретротопия / Пер. с англ. В. Л. Силаевой; под науч. ред. О. А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.
- Гудков Л. Д. «Советский человек» в социологии Юрия Левады // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 16–30.
- Каспэ И. М. «Съесть прошлое»: идеология и повседневность гастрономической ностальгии [Электронный ресурс]. URL: http://www.hse.ru/data/418/231/1226/Kaspe_Puti2008.pdf (дата обращения: 21.05.2019)
- Резанова З. И. Ностальгия по советскому. Томск: Изд-во Томского университета, 2011. 514 с.
- Сорокина А. А. Синдром политической ностальгии у российских студентов: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.03 [Место защиты: РАНХиГС при Президенте РФ]. М., 2015. 154 с.: ил.
- Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир — Конечность — Одиночество / Пер. с нем. В. В. Библихина, А. В. Ахутина, А. П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2013.
- Balázs F. The apotheosis of Janos Kadar: On the glorifying gesture of nostalgic memory // *Nosztaigia — ways of revisiting the socialist past* / Ed. I. Willinger. Budapest: Anthropolis, 2007. С. 5–9.
- Bartmanski D. Successful icons of failed time: Rethinking post-communist nostalgia // *Acta Sociologica*. 2011. Т. 54. № 3. С. 213–231.
- Boym S. *The future of nostalgia*. Basic Books, 2008.
- Davis F. *Yearning for yesterday: A sociology of nostalgia*. New York: Free Press, 1979.
- Hutcheon L., Valdés M. J. Irony, nostalgia, and the postmodern: a dialogue // *Poligrafias. Revista de Teoría Literaria y Literatura comparada*. 1998. № 3.
- Sedikides C. Nostalgia: Past, present, and future // *Current Directions in Psychological Science*. 2008. Т. 17. Nostalgia. № 5. С. 304–307.
- Starobinski J., Kemp W. S. *The Idea of Nostalgia* // *Diogenes*. 1966. Т. 14. № 54. С. 81–103.
- Todorova M., Gille Z. *Post-communist nostalgia*. New York, Oxford: Berghahn Books, 2012.
- Wildschut T. Nostalgia: Content, triggers, functions // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. Т. 91. Nostalgia. № 5. С. 975–993.

Дата поступления: 29.04.2019

Between Nostalgia and Retrotopia

DOI: 10.19181/inter.2019.18.7

Andrey Starovoytenko

Starovoytenko Andrey – MA student at National Research University Higher School of Economics, adstarovoytenko@edu.hse.ru

The notion of nostalgia has been used across various social sciences and humanities, having been rethought many times and acquiring many conceptual configurations. These configurations are not always easy to integrate with each other. Yet a number of new approaches have emerged that make it possible to look upon a person's (a collective's, a society's) attitude to their past differently. The brightest of them all is the theory of retrotopia as provided by Zygmunt Bauman in his last book. Thus the article has two goals. First, various approaches to theories of nostalgia are observed. Second, it is an attempt to find out how Bauman's retrotopia could help to think more clearly about the problems traditionally discussed within theories of nostalgia.

Keywords: nostalgia, retrotopia, collective memory, utopia, past, present

References

- Abramov R.N. (2012) Vremya i prostranstvo nostalgii [The Time and Space of Nostalgia]. *Sociologicheskij Zhurnal* [Sociological Journal], no 4, pp. 5–25.
- Balázs F. (2007) The apotheosis of Janos Kadar: On the glorifying gesture of nostalgic memory, in: *Nosztalgia – Ways of Revisiting the Socialist Past*. Ed. I. Willinger. Budapest: Anthropos, pp. 5–9.
- Bartmanski D. (2011) Successful icons of failed time: Rethinking post-communist nostalgia. *Acta Sociologica*, no. 54(3), pp. 213–231. <https://doi.org/10.1177/0001699311412625>
- Bauman Z. (2019) *Retrotopiya* [Retrotopia]. Per. s angl. V. L. Silaevoj; pod nauch. red. O. A. Oberemko. M: VCIOM.
- Boym S. (2008) *The future of nostalgia*. Basic Books.
- Davis F. (1979) *Yearning for yesterday: A sociology of nostalgia*. New York: Free Press.
- Heidegger M. (2013) *Osnovnye ponyatiya metafiziki. Mir – Konechnost' – Odinochestvo* [Introduction to Metaphysics] Per. s nem. V. V. Bibihina, A. V. Ahutina, A. P. Shurbeleva. SPb: Vladimir Dal'.
- Hutcheon L., Valdés M. J. (1998) Irony, nostalgia, and the postmodern: a dialogue. *Poligrafias. Revista de Teoría Literaria y Literatura Comparada*, no 3.
- Gudkov L.D. (2007) "Sovetskij chelovek" v sociologii Yuriya Levady [The "Soviet Man" in Yuriy Levada's Sociology]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and the Present], no 6, pp. 16–30.
- Kaspe I. M. (2008) "S'est' proshloe": ideologiya i povsednevnost' gastronomicheskoy nostalgii ["Eating the Past": Gastronomic Nostalgia's Ideology and Everyday]. http://www.hse.ru/data/418/231/1226/Kaspe_Puti2008.pdf
- Rezanova Z. I. (2011) *Nostal'giya po sovetskomu* [Nostalgia for the Soviet]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta [Tomsk University Press].
- Sedikides C., Wildschut T., Arndt J., Routledge C. (2008) Nostalgia: Past, present, and future. *Current Directions in Psychological Science*, no. 17 (5), pp. 304–307.

Sorokina A. A. (2015) *Sindrom politicheskoy nostal'gii u rossijskih studentov*: dissertaciya ... kandidata politicheskikh nauk [Political Nostalgia Syndrome among Russian Students: Thesis for PhD in Political Sciences]: 23.00.03. Mesto zashchity: Ros. akad. nar. hoz-va i gos. sluzhby pri Prezidente RF [The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration]. Moscow.

Starobinski J., Kemp W. S. (1966) The Idea of Nostalgia. *Diogenes*, no 14 (54), pp. 81–103. <https://doi.org/10.1177/039219216601405405>

Todorova M., Gille Z. (2012) *Post-communist nostalgia*. New York, Oxford: Berghahn Books.

Wildschut T., Sedikides C., Arndt J., Routledge C. (2006) Nostalgia: Content, triggers, functions. *Journal of Personality and Social Psychology*, no 91 (5), pp. 975–993. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.91.5.975>

Received at: 29.04.2019